

«Трудно быть Гамлетом»

В МИХАЙЛОВСКОМ ЗАМКЕ ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ ГОЛЛИВУДСКОЙ КИНОЗВЕЗДЫ СИЛЬВЕСТРА СТАЛЛОНЕ

Впрочем, главным экспонатом, посмотреть на который хотели толпы людей, был сам актер. Задолго до открытия выставки меня начали бомбардировать просьбами достать пригласительный билет на вернисаж. Писали знакомые, знакомые знакомых и вовсе незнакомые мне люди. Мой ответ, что выставка будет работать долго, до середины января, воспринимался как обίδα. Ясно, что людей привлекала возможность поглядеть вблизи на легендарного исполнителя Рембо и Рокки, а вовсе не его живопись.

Корреспондентам «ВП» повезло. Мы получили возможность посмотреть выставку заранее и пообщаться с Сильвестром Сталлоне на пресс-конференции.

ДИРЕКТОРА Русского музея Владимира Гусева на пресс-показе журналисты атаковали вопросами. Кто-то кричал, что многие возмущены тем, что Русский музей опустил до выставки Сильвестра Сталлоне, который и не художник вовсе, а актер. На мой взгляд, нет ничего страшного в том, что Русский музей, открывающий каждый год десятки выставок, иногда пользуется такой вот «тяжелой артиллерией» для привлечения к себе внимания. Отличный пиар.

Помнится, в начале 2000-х показывал свою выставку в Мраморном дворце Русского музея известный артист русского происхождения Питер Устинов. Можно вспомнить и прошедшую здесь же выставку фотографий Пат Йорк, супруги знаменитого актера Майкла Йорка, ставшего знаменитым после того, как снялся с Лайзой Миннелли в фильме Боба Фосса «Кабаре».

— Вы хоть скажите, к какому направлению в изобразительном искусстве можно отнести живопись Сталлоне? — спросили Владимира Александровича.

— Пожалуй, это экспрессионизм, поздние работы — абстрактный экспрессионизм. Но это так, примерно, — ответил директор. — У нас ведь есть привычка воспринимать художников как козчиков, привязанных к столбику, а на столбике чтобы было написано: «Это вот реализм, это экспрессионизм». А на самом деле в современном искусстве существует так много течений. И каждый сезон что-нибудь новое появляется. Так происходит с начала XX века. Помните, в те времена Маяковский написал стихи, в которых была такая строчка: «Один сезон ваш Бог — Ван Гог, другой сезон — Сезанн»? Я, че-

стно говоря, не всегда успеваю следить за современным искусством.

Еще Владимир Гусев сообщил, что вопрос о правомерности такой выставки в священных стенах РМ ему задавали не раз: «Я и сам колебался, пока не увидел репродукции работ Сталлоне. А когда увидел, понял, что Сталлоне — настоящий художник!»

Честно скажу, что мое первое впечатление от выставки можно было выразить одним словом: «Мазня!» Но потом, побродив по залам и посмотрев внимательно, пришла к выводу, что все не так плохо.

Да, конечно, первые, о ком вспоминаешь, когда смотришь на картины Сталлоне, — немецкие и австрийские экспрессионисты. Тем более что как раз сейчас в Эрмитаже проходит отличная выставка художников этого направления из венского музея Альбертина. Еще можно вспомнить о фовистах с их «дикими» красками, которые не отражали реальность, а скорее выражали чувства и эмоции художников.

Только если у экспрессионистов, да и у фовистов, которые работали в начале прошлого века, несмотря на brutальные формы и дикие, варварские краски, все равно как-то получалось красиво, у Сталлоне колорит часто просто аляповатый. Главенствуют красный, желтый, зеленый, перемешанные между собой и не становящиеся гармонией.

Поздние работы — абстракции, более элегантные по цвету: черный, белый, красный. Они напоминают уже о Хуане Миро и Пауле Клее, иногда — о Марке Ротко. Одна из картин, решенных в таком стиле, называется «Секс». На глубоком черном фоне — красные потеки, словно брызги крови.

Живой голос Сталлоне произвел на присутствующих неизгладимое впечатление.

«ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ВЫБОР, Я ПОСВЯТИЛ БЫ ЖИЗНЬ ЖИВОПИСИ»

ПОСЛЕ ОСМОТРА выставки все отправились в один из Парадных залов Михайловского замка на пресс-конференцию звезды. Журналисты выстроились плотной стеной, ошестившейся микрофонами и телекамерами. Наконец в сопровождении свиты появился сам герой дня, одетый в элегантный серый костюм и черную рубашку. В нагрудном кармашке — красный пашот (платок. — Прим. авт.) из шелка. В роскошном интерьере стиля классицизм, рядом с хрупкой антикварной мебелью, в тусклом, перламутровом свете пасмурного октябрьского дня загорелый черноволосый Сталлоне смотрелся каким-то инопланетянином — слишком загорелым, чересчур brutальным. Казалось, ему тесно в элегантном сером костюме.

Но вот он заговорил. И впечатление сразу изменилось. Стало ясно, как же портит его фильмы дубляж. Мы не слышим его голос — очень низкий, с легкой хрипотцой, тягучий и сладкий, как патока. Бас profoundly. Почти как у Шалляпина.

Даже директор РМ не выдержал, заметив: «О, какой у вас великолепный бас!»

— Это еще что! — пошутил Сталлоне. — Вот если бы я запел, музей, боюсь, пришлось бы закрыть.

Он легко, играючи завладел вниманием аудитории. Был искренним, как ребенок. Не обижался даже тогда, когда ему задавали неприятные вопросы.

— Для меня очень почетно быть здесь. Просто фантастика! Больше всего на свете я люблю живопись! — начал он свое общение с прессой. — Конечно, я известен прежде всего как актер, это моя профессия, я снялся во многих фильмах. Но фильм — это ведь коллективное произведение. Там работают полторы тысячи человек. Но когда я остаюсь один на один с холстом и выплескиваю свои эмоции, свое настроение — это только мой фильм! Если бы у меня была возможность выбирать, я бы посвятил свою жизнь живописи! Сначала я начал выражать себя именно с помощью визуальных образов. Потом перешел к вербальным — начал писать сценарии. В жизни все переплетено. Так в моей живописи начали появляться слова.

Действительно, на многих картинах Сталлоне есть слова и даже короткие тексты, которые как бы задают тон восприятия его живописи, дают ключ к пониманию изображения.

Мне запомнилась картина «Трудно быть Гамлетом». Вверху написано: «Гамлет», справа изображены часы, показывающие без пяти минут полночь (часы, как и скелет, — мотивы, встречающиеся в произведениях Сталлоне довольно часто). А внизу полотна — надпись, которую можно перевести как «Трудная жизнь». Осталось загадкой, о чем печалится Сталлоне: о быстротечности жизни, о том, что каждому живущему приходится не раз делать выбор — быть или не быть, сразиться с целым миром или умереть-уснуть? Или о том, что он так и не сыграл Гамлета?

Сталлоне подчеркнул, что прекрасно понимает невозможность соперничать и даже сравниться с теми художниками, чьи полотна висят в Русском музее. По его словам, он писал картины всю жизнь для себя, чтобы с помощью холста и красок выразить то, что не способен был выразить словами. Он привык к критике. И не обижается, когда его критикуют: «Искусство тем и хорошо, что предоставляет человеку свободу. Каждый должен выбирать, что ему нравится, а что — нет».

Рисую, он не думает о том, чтобы передать сходство: «Когда я рисую цветок, мне не важно, будет ли он похож на тот, что существует в реальности. Для меня гораздо важнее передать то, какие мысли и чувства вызывает этот цветок».

Сильвестр Сталлоне. «Трудно быть Гамлетом».

Сильвестр Сталлоне. «Ответная реакция».